

Георгий ГАЕР <В. Г. ШЕРШЕНЕВИЧ>

У края «прелестной бездны»

Когда критики сравнивали футуризм с декадентством, они были не правы, и не правы потому, что почитали футуризм эпигономством декадентства. Но могли быть правы, ибо футуризм, как и декадентство, были ударными батальонами новых течений. Декадентство только разрушило, и в этом была его авто-смерть, хотя в природе своей декаданс нес все данные созидания, и в первую очередь символ. Но все заметили только внешнюю хрипоту формы да туман смыслового профиля и сколько появилось друзей и врагов. Какую же старую глупость надо написать для того, чтобы не появилось ни врагов, ни поклонников.

Когда тараном «бледных ног» и «фиолетовых звуков» были пробиты стены ноющего реализма, более мудрые, несшие не только кулаки разрушения, но и кирпичи для неоздания, отошли от декадентства. Увенчался «Венком» «всех напевов» Брюсов, познал «Нечаянную радость» Блок и др., ибо из всей суматохи декадентства вынесли они самое главное, — то, что было для искусства, символ, предоставив «обозной сволочи» (научный термин Белого) громить завоеванный город.

К чему скрывать искренним?! Футуризм *умер!* Не война его сгубила, п<отому> ч<то> сама война была вызвана футуризмом, кричавшим: война — единственная гигиена мира! И война не оказалась для футуризма Газурмахом, сыном, рожденным из мысли отца и этим убившим Мафарку. Футуризм умер *естественной* смертью; он был рожден для разрушения и блестяще выполнил свою задачу. Ныне гунновский голос футуризма превращен в теорию *благого мата*. И то, что прежде было ослепительной бездной и надъ-аэров лет, нынче, говоря словами Маяковского: «Прелестная бездна, бездна — восторг». Калоши от Проводника у края благоустроенной бездны, вымеренного омата, прелестной пропастины!

Что же нес в себе Троянский конь, приветливо введенный Брюсовым в Троию символизма? Слово как таковое и неологизирование. Урбанизм. Ерунда. Слово, как таковое в чистом виде абсурд, неразменная монета, негодная к употреблению. Слово, как таковое, познаваемое, как слово — образ — вечно в поэзии. Неологизирование, неоритмирование, — но это поступь формы, а не почерк ее. И это все? — Нет, это еще «ничего»! Это все для толпы и ноль в ладонях искусства.

Благерство и кукольная комедия петрушек, поза и брань для «заметьте», для «Обратите внимание, Христа ради!», — а где около футуризма Лифшиц? Куда смолкли Асеев, Пастернак? Неужели кто-нибудь самый безумный и наглый будет так глуп, что назовет футуристическим «Облако в штанах»? Футуризм, где ваши псы сторожевые — Большаков, Шершеневич, Третьяков, Ивнев, ваши первые футурохранители? Остались только Бурлюк да Каменский, с завидным постоянством повторяющие изо дня в день футуросказки про белого бычка, истории такие старые, что их даже в скрижали неловко!

Прелестная бездна — это уже для раскаивающихся символистов. Это только для дам. Футуризм таил в себе еще одну возможность. И эта возможность давала жить тому, кто хотел и умел только убивать. Саломея футуризма, танцевавшая вокруг литературного Иоканаана, вы хотели целовать эти губы реализма?! Так целуйте, *п<отому> ч<то>* вы были молоды. Нынче, еще танцую, вы принуждены уж опираться на костыли программы и гипнотического рассудка. А голова седая! Но, когда отплясывали танец семи камаринских — билось босокрылое, кудластое сердце. И все видали только живот, но не видали сердца, ибо хотели до неприличного приличить бездну, окомфортабелить ее! А футуризм уже со дня рождения был беременен образами и это спасало его! *П<отому> ч<то>* спасают не тема, не темперамент, не звук, не мертвые строки, ибо строки всегда рождаются обречены мертвыми. Нельзя родить необъятное, а слово огромно и не поддается рождению. Саломея попробовала родить слово, как таковое, и поседела в бесполезных родах. Но образ, понимаемый в самом узком смысле и в самых разнообразных видах, это то чудо, которое кормит пятью *сардинками* все годы, сбжавшиеся, чтобы мудростью своей пошались в квартире двадцатого века.

Вся история поэзии — история *развития образа*. От самого примитивного и благодарного образа (эпитета) (ударит жезл эпитета и гранит понятия расцвел) до самого широкого и неблагодарного (параллелизма) через *как* и *словно*, по метафорам и противоположениям — вот рукописность духа поэзии.

Вечно для всего только на образе консервировались произведения. «Словно полоска дамасской стали» — помню; «Зеленокудрые леса» — помню, помню; «Мать, провожающая и руки ломающая» — помню и забыл, что «не шелохнет, глядишь и не знаешь». Только образ, только сравнение убеждает. Вы произнесли Маяковский — и «лебеди шей колокольных гнитесь в силках проводов». А рядом «мама! ваш сын прекрасно болен» — это для Шурочки Вертинского. Прошли все войны, Пелопонес, Троя! отгуживает и наша война, забудут матери сыновей, невесты другим заневестятся, будут учить карту Припинских болот гимназисты с перечерниленными пальцами, вся громыхавшая Европа, запыхавшаяся от истерии быть исторической — все это умрет; ибо все это только легкий вздох дамочки рядом с вставшей на дыбы образа фразой Большакова: «Ах, не обрызгивать, не обрызгивать тротуары, как росой, хрустальным звяканьем шпор».

Но до футуризма образ — от эпитета до аналогии — был счастливым исключением. Но до футуризма были образы допустимые и недопустимые. Образы — сволочи и образы — пай. Поэтому умный Пушкин — это только учебник поэзии для начальных школ; поэтому «стррррашный» Лермонтов — милая красавица с Абрикосовской коробки. Как много говорили и как мало сказали!

Образ прежде всего.

Первый возвестил эту магию образа самый пламенный декант футуризма, ученый мальчик, небрежный отец футуризма, столько раз ударявший своего сына тем ударом, который был приготовлен для врага, Фат. Маринетти: «образы не цветы, которые можно срывать и выбирать с мелочной бережливостью: они составляют самую сущность поэзии. Поэзия должна быть непрерывающимся рядом новых образов, иначе она только анемия и бледная немочь».

Ибо образы — это безграничная любовь к отдаленным, часто враждующим вещам; ибо образы — это оцупывание мира! Образы воспринимаются... чем?... лиризмом слушателя, а у интуиции нет умысла и предпочитаний; для нее нет образов высоких и низменных, правильных и не точных, есть только убедительные и старые. Лиризм требует беспрерывья аналогий, эпитетов, «каков». Сетями образов выловить из мира всю его сущность. Понять — определить.

Определить — заставить жить.

Почему неинтересны десять заповедей? Потому, что нет одиннадцатой, говорящей о поэзии, а следовательно, нет ничего,

п<отому> ч<то> и жизнь, и религия, и будущее существуют только от существования поэзии, и строка рождает век.

Дайте лиризму сгущенные метафоры, образы, ибо только они окрашивают стихи, а *густота* краски равносильна ее *убедительности*. Дайте *краткость* образов, ибо все длинное — лишнее. Одноактная пьеса лучше трехактной уже меньшинством, а меньшинство всегда право, даже когда оно заблуждается. Дайте *топоры* аналогий, чтоб было чем уронить столбы аналитического рассудка. Поэту не нужны столбы, п<отому> ч<то> проволока его строк беспроволочна. Нельзя пускать в ход образ изредка, только когда душно от рассуждений и описаний, ибо образы не веер, которым обмахивает услужливый поэт дамочку публики. Выкачайте поршнем сравнений пустоты из строк, и туда вольется лиризм, ибо поэзия боится пустоты.

И один раз сказал правду Бурлюк, когда, неудачно переводя Римбо и выдавая римбовские строки за свои, писал (ведь об образах): «И все, что встретим на пути, может в пищу нам идти». Этот максимум лирических образов правильно, но неясно окрещенный Вад. Шершеневичем в «Зеленой Улице» *политематизмом* и есть сущность поэзии. Образ в слове, образ в форме, образ в ритме, но не ритм образов — и снова пошла плясать Саломея поэзии.

Инструментовка, но ведь одно одие звуков есть аналогия их природ. «Тяжеломедное скаканье по потрясенной мостовой» (Пушкин), это шесть раз повторенный один корень, сравненный и противоположенный в шести лицах слова.

Футуризм умер! Да будет ему земля клоунадой!

Он должен быть проклинаем за одно то, что у постели своей дряхлости был понят всегда неискренним Белым, спекулянтом разума — Брюсовым, даже птичкой на тропинке бедствий — Бальмонтом.

Он должен быть *благословляем* уже за то, что нес в себе имажионизм и так бережно нес, что не обнаружил даже слепым, а слепые всегда видят лучше зрячих.

Футуризм умер *для того*, чтобы дать место строителю и создателю. Ибо был он средством, а не целью.

Футуризм умер *потому*, что таил в себе нечто более обширное, чем он сам, а именно *имажионизм*.

Февраль, 1918 г.

Киев

